

Заманов Р. И., Копосов Д. Р.

О НАРЕЧИИ И ТЕНДЕНЦИИ К АНАЛИТИЗМУ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/23.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 56-58. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Существуют также структуры, которые целенаправленно передают оценку, но факт сообщения при этом не содержит указания на эту передачу, субъект оценки не эксплицирован:

- изъяснительные конструкции *Хорошо, что...*, *Лучше, чтобы ...* и т.д.; инфинитивные конструкции: *Хорошо проснуться ранним солнечным весенним утром. Ужасно однажды понять, что все было напрасно (И мясца поестъ бы неплохо. А то все мыши да мыши - приелись уже (Т. Толстая); Как хорошо не знать ни о чем плохом, что здесь сегодня случится, и просто шагать и шагать, полагаясь на силу своей безвинности и доверчивости, и думать, вспоминать, строить несбыточные планы (Национальный корпус русского языка; В. Г. Распутин «Новая профессия»); А как хорошо, верно, как славно пройтись по городу в такой час! (Национальный корпус русского языка; В. Г. Распутин «Новая профессия»);*

- местоименные предложения типа *Какой у него голос! (Что за глаза! они так и сверкали, будто два угла (М. Лермонтов); Ведь какой народ! просто золото (Н. Гоголь); А какой у нас товар? Сами мышшей едим (Т. Толстая); - Хорошо было бы, если б характер твой еще смягчился, чтоб раны твои заросли, сердце нить перестало...- будто молитву произнесла она и коснулась ладошкой головы: - Вот и волосы твои уж отросли, они мягкие у тебя (Национальный корпус русского языка; В. Астафьев «Обертон»).*

Такие конструкции передают аксиологическую оценку, при этом факт сообщения может быть эксплицирован путем перифраза, который не всегда возможен, но субъект оценки подразумевается: *Хорошо проснуться ранним солнечным весенним утром - Некто считает, что хорошо проснуться ранним солнечным весенним утром.*

На периферии находятся конструкции, передающие разряд характеризующих оценок: *На днях такую брочку наладил, что и в Москве не сделать (Н. Гоголь); Иду я себе, иду, а тут стемнело, не то чтобы очень, а так, серенько стало (Т. Толстая); И что же это была за тяжкая работа - все мои попытки выучить его сознательному чтению и письму (А. Куприн); Голос у него был такой, что напевая свое любимое: «Et tonat, et sonat, et pluvium coelum dat...», он потрясал, как говорится, стекла (И. Бунин).* В таких конструкциях оценка растворяется в модусе и средства ее выражения могут располагаться на различных языковых уровнях, от словообразовательного до синтаксического.

Семантическая доминанта оценки, располагающаяся на шкале «хорошо/нормально/плохо», очевидно, имеет ряд вариантов, которые расширяют диапазон оценки. Существуют различные выражения оценки, например, «важно», «оправдано», «удивительно» и др. Например: *Весь город восторгался о. Киром, как человеком необыкновенного ума и редкой учености (И. Бунин); Пробиралась по теневой стороне, по ухабистому тротуару, мимо ворот и окошечек с горшками цветов, какая-нибудь старуха, настолько перекошенная, склоненная к земле, что было удивительно, как может идти этот прямой угол (И. Бунин).*

Итак, особая структура оценки, включающая субъект и объект, связанные оценочным предикатом, обуславливает ее включение в рамки авторизационной семантики. Субъект оценки в высказывании является авторизирующим субъектом. Эта общность функциональной семантики позволяет вписать оценочные высказывания в функционально-семантическое поле авторизации, в структуре которого они образуют микрополе.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. - М., 1984. - С. 5.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. - М., 2006.
3. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. - 1995. - № 3. - С. 76-79.
4. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. - М., 2006
5. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. - М., 2004.
6. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций. - Красноярск, 1988.

О НАРЕЧИИ И ТЕНДЕНЦИИ К АНАЛИТИЗМУ

*Заманов Р. И., Копосов Д. Р.
Казанский государственный университет*

Традиционная классификация грамматических единиц предполагает единство трёх критериев: лексико-семантического, морфологического (словоизменительного) и синтаксического. Совокупность их формирует представление о части речи во всем многообразии её категориальных и узко грамматических значений, опирающихся на лексическую семантику и реализующихся в синтаксическом окружении.

Следует, однако, иметь в виду, что, как и всякий классифицируемый феномен, часть речи в этом смысле - явление исторически подвижное, динамическое. И собственно академическая грамматика, и частные, отдельные исследования фиксируют возможность «перехода» одной части речи в другую, возможность сдвига демаркационных линий между граничными грамматическими феноменами. Таким образом, историк языка вынужден работать и с современным ему материалом, коль скоро этот материал позволяет видеть подобную динамику. Действительно, изменение грамматического статуса единицы - явление всегда историческое.

Данная работа посвящена одному из таких изменений, а именно механизму трансформации наречий в иные грамматические (частеречные) единицы. Определим терминологическую базу исследования.

Под *наречием* мы понимаем «лексико-грамматический класс неизменяемых, как правило, слов, обозначающих признак действия, качества или предмета и выступающих в синтаксической функции обстоятельства или определения, реже сказуемого» [ЛЭС: 322]. Мы признаём, что традиционная трактовка наречия в академических изданиях изобилует двусмысленностями и недоговорённостями, существенная часть которых уже послужила основой для частных научных наблюдений и, таким образом, «прояснена» в специальной литературе. До полного порядка в классификации, однако, еще «далеко».

Категорией состояния мы будем называть также неизменяемые слова, выступающие в синтаксической функции предиката в односоставном безличном предложении. Эти единицы в ряде грамматик определяются как предикативные наречия, что, по нашему мнению, неудачно и вызвано стремлением развивать классификацию не от функций единицы, а от фонематива.

Как *имя прилагательное* определяем предикатные слова, обозначающие непроцессуальный признак (свойство) предмета, события, обозначенного именем, и семантически связанные с обозначаемым именем атрибутивной или предикативной функцией. Последнее предполагает формальное свойство имен прилагательных - способность к грамматическому согласованию с определяемым словом. Академическая грамматика указывает, помимо прочего, на то, что прилагательное «как часть речи не только не является универсальной категорией, но составляет класс слов, наименее специфицированный по сравнению с другими морфолого-синтаксическими классами» и что прилагательные «крайне неоднородны» по семантике [ЛЭС: 397].

Крайне неудачное, по нашему мнению, определение сомнительных с точки зрения существующей классификации частей речи контекстных их употреблений как *перехода одной части речи в другую* нуждается в пересмотре.

Под *семантическим способом словообразования* мы понимаем деривационный процесс, состоящий из двух фаз. Это, во-первых, фаза первоначального накопления существующим в языке словом контекстных ассоциаций, «затемняющих» либо «изменяющих» его исходную лексическую семантику. Накопление ассоциаций приводит к возникновению в представлении носителей языка своеобразной «модели» использования того же фонематива с новым лексическим значением. Во-вторых, в результате такого осмысления (характер «нового» употребления слова становится регулярным) происходит качественный скачок - и в языке начинают сосуществовать два омонима, второй из которых представляет собой семантическое производное от первого. Само собою разумеется, что в результате акта образования нового слова оно может обрести синтаксические и грамматические способности, исходному, производящему слову недоступные.

Такая интерпретация происходящих в сфере частей речи метаморфоз могла бы иметь большую объясняющую силу и убедительность, нежели представление о «переходе». Действительно, терминологически понятие «перехода» неудачно уже потому, что в итоге в языке реализуются две разные лексически (и грамматически) единицы, тогда как переход предполагает изменение статуса одной и той же исходной единицы.

Механизмы семантического словообразования полно описаны в работах Н. М. Шанского [4], В. М. Маркова [3], И. Э. Еселевич, Э. А. Балалькиной, Г. А. Николаева [1] и других.

Какие же межкатегориальные закономерности в отношении наречия, категории состояния и имени прилагательного можно отметить, опираясь на представление о семантическом словообразовании?

Изоморфизм семантического и морфемного словообразования заставляет искать корреляции между этими феноменами в пределах одних и тех же деривационных схем. Так, известно, что наречия образуются морфемным способом от имен прилагательных. Традиционные суффиксальные модели наречий на -о, -ски (-и): смело, экстраординарно, братски, хозяйски - и конфиксальные модели на по-...ому, по-...(ски / и): по-новому, по-весеннему, по-братски, по-заячи - рассматриваются во всех академических грамматиках. Вектор грамматической семантики при этом направлен от центрального, предикативного функционирования к периферийному, адъективному. Регулярность деривационного отношения определяется сохранением этого вектора и стабильностью словообразовательного типа (единство аффикса, производящей базы и словообразовательного значения деривата).

Наблюдения над синтаксическим поведением таких лексических единиц, как *замуж*, *замужем*, *настежь*, *невпопад* и других, традиционно относимых к наречиям, позволили заметить, что в современном русском языке обнаруживает себя тенденция к их предикативному синтаксическому употреблению. Современные художественные и публицистические тексты фиксируют следующие употребления «наречий»:

1) Она стремится *замуж* / Она *замужем*, она вышла (выходила, выходит) *замуж* - где дериваты *замуж* и *замужем* регулярно выступают в функции сказуемого при подлежащем - имени существительном или местоимении - как со связкой, так и без неё. Связка во всех случаях имеет модальный характер, за счёт чего синтаксическая конструкция соотносится со структурой составного именного сказуемого (см. нашу статью в «Филологические науки. Вопросы теории и практики» №1 (1) 2008).

2) Дверь *настежь*, У тебя опять всё *настежь*, Почему квартира *настежь* / Всё распахнуто *настежь*, Не знаю, уже было *настежь* - где первая группа примеров по сравнению со второй несомненно представляет разновидность эллиптической конструкции, за счёт чего «наречие» обретает предикативную нагрузку.

3) Как-то они тут *невпопад*, Всё *невпопад* / Плетёшь *невпопад*, Говорит *невпопад* - та же схема отношений, однако по сравнению с двумя предыдущими группами ослаблена связь между наречием и глагольным компонентом предиката, сложнее лексически «вычислить» связку эллиптической конструкции.

4) Всё *напрасно* / *Напрасно* ждешь его и так далее - случай классической омонимии краткого прилагательного в форме среднего рода (предикативная форма) и наречия на -о, образованного от прилагательного *напрасный* суффиксальным способом.

Можно предположить, что указанная в четвертом случае исходная омонимия формы прилагательного и словообразовательного морфемного деривата от него (явление распространенное и описанное в литературе по предмету) послужила логическим основанием для распространения отношения на те наречия, которые изначально прилагательным не мотивировались, но с точки зрения лексической семантики имели возможность выступать при модальных глаголах в качестве части предиката-сказуемого.

Соответственно, в процессе употребления как части составного сказуемого эти наречия на наших глазах «накапливают контекстные ассоциации», позволяющие определять их уже как промежуточную между наречием и именем часть речи. Словообразовательное значение, объединяющее подобные дериваты, можно определить по обратной направленности вектора - от адъективного, периферийного синтаксического значения к предикативному. Качественным скачком, который, по нашему мнению, приведёт к образованию неизменяемого имени прилагательного на базе наречия, должно явиться «освобождение» единицы от глагола-связки, как в случае 3, или лексикализация сочетания со связкой, как в случае 1 (возможно, и в случае 2).

Косвенным образом поддерживают деривационный процесс такие феномены языковой системы как наличие в ней неизменяемых (*хаки, беж*) и лишённых членной формы (*рад, люб*) имен прилагательных и регулярность соотношения между прилагательным и наречием на уровне морфемного словообразования.

Таким образом, современный этап развития языковой системы требует переосмысления частеречной классификации. Либо мы, следуя логике рассуждений М. В. Панова, признаём включение наречия в состав имени прилагательного, либо констатируем возможность «обратного» словообразовательного механизма, «переводящего» некоторые наречия в имена прилагательные в рамках некоей общеязыковой тенденции. Последнее предположение подкрепляется наблюдениями над фактами функционирования соотносительных единиц в языках аналитического строя, таких как английский. Можно, таким образом, говорить, что современный период развития русского языка действительно демонстрирует «тенденцию к аналитизму». Заметим, что признание этого факта потребовало от нас известного усилия (см. [2]).

Список использованной литературы

1. Балалыкина Э. А., Николаев Г. А. Русское словообразование / Э. А. Балалыкина, Г. А. Николаев. - Казань: Изд-во КГУ, 1985. - 184 с.
2. Копосов Д. Р. К вопросу об «аналитических» тенденциях в русском языке / Д. Р. Копосов // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых: Материалы третьей всероссийской конференции молодых ученых. - Москва-Ярославль: МПГУ-Ремдер, 2004. - С. 355-360.
3. Марков В. М. Избранные труды по русскому языку / В. М. Марков. - Казань: Изд-во «ДАС», 2001. - 274 с.
4. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. - М.: Изд-во МГУ, 1968. - 310 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «WOMAN» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

*Засыпкина Л. П., Власян Г. Р.
Челябинский государственный университет*

Язык - это система знаков, стихийно возникшая в человеческом обществе и служащая средством коммуникации между индивидами. Культура - это исторически сложившаяся модель значений, передаваемых из поколения в поколение; это образ жизни общества. Человек с помощью языка хранит и передает культуру другому поколению. Но при этом единицей мышления является концепт. Человек мыслит концептами, комбинируя их и формируя новые концепты в ходе мышления. Следовательно, чтобы понять культуру народа, надо разобраться в концептах этого народа.

Ю. С. Степанов определяет концепт следующим образом: «Концепт - это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек - рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2001: 43].

Структурация концепта, его неоднородность стали очевидны исследователям с самого начала когнитивных исследований. З. Д. Попова и И. А. Стернин говорят о трёх базовых структурных компонентах концепта - образе, информационном содержании и интерпретационном поле. Наличие образа они объясняют «нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода». При этом чувственный образ может быть перцептивным, формирующимся под влиянием органов чувств, и когнитивным, формирующимся благодаря метафоризации предмета или явления. Информационное содержание концепта включает определённые когнитивные признаки, определяющие основные черты концептуализированного предмета.

Интерпретационное поле формируется под воздействием когнитивных признаков, «которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его» [Попова 2007: 82].